

Народъ, испытываемый огнемъ *).

Если бы знать, зачѣмъ такъ тяжко испытуетъ насъ, къ какому служению готовить! Бывало, въ оные дни, въ странѣ отцовъ, едва надъ Израилемъ разражалась гроза,—тотчасъ изъ отверстыхъ небесъ звучалъ голосъ черезъ пророковъ, и смыслъ испытанія былъ ясенъ. Правда, въ разное время слышали разное. Когда народъ сто-налъ подъ ассирійскимъ игомъ, Богъ открывалъ свой замыселъ черезъ Исаю: «Ассуръ—железъ гнѣва моего, и бичъ въ рукѣ его мое негодование. Пусть народъ нечестивый обратится ко Мнѣ, внимааетъ заповѣдямъ Моимъ, и Я спасу и возвеличу его». А двѣсти лѣтъ спустя, во дни Кира, безымянный пророкъ, котораго ученые называли Вторисаей, иначе толковалъ волю Божью: народъ, любимый мною, поставленъ въ нази-даніе всемъ народамъ земли, его страданія—имъ урокъ, и когда нибудь, прозрѣвъ, они скажутъ: «Все мы блуждали, какъ овцы, совратились каждый на свою до-рогу,—и Господь возложилъ на Сионъ грѣхи всѣхъ насъ; онъ взялъ на себя наши немощи и понесъ на-ши болѣзни, а мы думали, что онъ былъ поражаемъ, наказуемъ и уничиженъ Богомъ; наказаніе мѣра на-шего было на немъ, и ранами его мы исцѣлились». Но каковъ бы ни былъ смыслъ откровенія, народъ всегда зналъ небесную причину своихъ земныхъ напа-

*) Выражаемъ благодарность М. О. Гершензону за раз-рѣшеніе перепечатать настоящую статью.

Ред.

стей, отчетливо читалъ въ письменахъ земной судьбы замыслы Бога.

Намъ несравненно труднѣе терпѣть потому, что мы лишены этой вѣры. За двѣ съ половиною тысячи лѣтъ, которыя протекли съ тѣхъ поръ, человѣчество узнало на опытѣ, что оно всегда произвольно читало тѣ пись-мена, что ихъ видимая понятность обманчива, что смертному вовсе не дано ихъ читать,—и это, быть можетъ, важнѣйшее изъ знаній, приобретенныхъ имъ съ тѣхъ поръ. Небо закрылось и болѣе не даетъ че-ловѣку несомнѣнныхъ знаменій; въ земныхъ судьбахъ, конечно, есть божественный смыслъ, но онъ выраженъ въ нихъ тайнописью, къ которой у насъ нѣтъ ключа. Вѣруй, если можешь, что твои страданія—не случай-ность слѣпой игры, а предопредѣлены Высшимъ разу-момъ, но откажись отъ надежды понять ихъ нечеловѣ-ческую разумность. Такъ нѣкогда астрологи мнили чи-тать звѣздную грамоту ночного неба, переводя ея та-инственные письмена на человѣчскій языкъ, а опытъ опровергъ ихъ заблужденія. Мы не знаемъ подлин-ныхъ причинъ нашего жребія, какъ намъ неизвѣстенъ и цѣлостный итогъ его послѣдствій.

Судьба еврейскаго народа такъ необыкновенно вы-разительна, столь явно чувствуется въ ней какой-то планомерный всемирно-историческій замыселъ, что тру-дно устоять противъ соблазна истолковать ее по чело-вѣчески. Всякое такое толкованіе есть мифъ. Въ ми-фахъ о богоизбранности, о карающей десницѣ Божьей, или, какъ у Вторисаи, объ обреченности за грѣхи мѣра, черпали силу наши предки. У насъ мифа нѣтъ, точно мифы произрастаютъ народу только изъ его родной земли, а чуждая почва остается безплодной, сколько бы ни орошали ее народныя слезы. Новаго мифа не ро-дилось—за два тысячелѣтія, среди такихъ страданій! А старые приплы въ забвеніе.

Миръ играетъ въ народной жизни ту самую роль, какъ рабочая гипотеза въ наукѣ; онъ и есть мирообъемлющая гипотеза, выраженная въ образѣ. И какъ наука развивается, переходя отъ низшей гипотезы къ высшей, такъ въ смѣнѣ мировъ совершается ростъ народной души. Безъ міра, живого въ индивидуальных сознаніяхъ, народъ не можетъ сохраняться какъ цѣлое, — онъ распался бы, подобно бочкѣ, съ которой сняты обручи; но возможно долгое, хотя бы тысячелѣтнее прозябаніе народа, безстрастно изживающаго устарѣлый миръ, безсильно замѣнить его новымъ, какъ это не разъ наблюдалось въ исторіи Востока.

Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что какимъ-то миромъ живетъ и еврейскій народъ, иначе совѣмъ нельзя было бы понять его устойчивой цѣлости на протяжении столькихъ вѣковъ, въ условіяхъ изгнанія, гдѣ опасность отъ народа значило безконечно увеличить свое личное благополучіе. Парализовать дѣйствіе такихъ могучихъ центробѣжныхъ силъ способна только крѣпкая спайка народнаго міра. Значитъ, миръ есть и живучъ, — по его внѣшнему дѣйствию мы съ увѣренностью должны предполагать его наличность. Каковъ же онъ? Психологія еврейской массы слишкомъ мало изучена, чтобы можно было рѣшительно отвѣтить на этотъ вопросъ. Я лично думаю, что этотъ миръ изгнанія родился изъ ветхозавѣтнаго міра, что идея богоизбранности, заключавшая въ себѣ, какъ ядро, образъ неразложимой цѣлости еврейскаго народа, постепенно вывѣтрилась и обнаружила ядро, но самое это ядро, этотъ образъ почти биологическаго единства племени, съ вѣками не только не разлагалось, но напротивъ — отвердѣло въ еврейской психикѣ до адамантовой крѣпости, окрѣпло вполне естественно, въ виду полной однородности чрезвычайнотяжелыхъ условій, въ какихъ внѣшній гнетъ повсемѣстно и столько вѣковъ держалъ всѣхъ членовъ

еврейскаго народа. Этотъ образъ, какъ всякій народномисологическій образъ, внушаетъ суетвѣрное почтеніе, почти ужасъ, — да въ немъ и заключена, какъ во всякомъ подобномъ образѣ, глубокая мистическая правда; власть этого образа такъ велика, что возстать противъ него, признать его мнимымъ даже смѣлый не можетъ безъ содроганія; вотъ почему сравнительно такъ мало евреевъ при существующемъ соблазнѣ отпадаютъ отъ еврейства: опасть отъ еврейства и значитъ признать нереальнымъ, объявить призраккомъ образъ неразложимаго еврейства.

Народъ, испытываемый огнемъ, не стораеть потому, что въ немъ живъ адамантовый миръ. Но упѣлѣтъ — мало, надо расти. Консервативный миръ способенъ на тысячелѣтня обезпечить существованіе народа, какъ это можно видѣть на примѣрѣ Китая; но этого ли мы желаемъ нашему народу? Прозябанія ли еще на вѣка? Мы хотѣли бы для него плодотворнаго историческаго существованія, чтобы онъ, какъ цѣлый, какъ народъ, не только пребывалъ въ смѣнѣ поколѣній, но восходилъ поколѣніями къ высшей цѣли, какъ онъ восходилъ некогда чрезъ откровенія пророковъ. И это будетъ тогда, когда снова зацвѣтетъ мироотворчество народа. Родится ли новый миръ въ странѣ изгнанія, въ тогъ часъ, когда гнетъ, угнетающій насъ, станетъ окончательно-невыносимымъ? Есть ли вѣвучестъ въ послѣдней скорби, и безутѣшное рыданіе всегда ли вѣвуче; есть острая жизненность на днѣ скорбей. Вотъ въ Блнкѣ уже зацѣла, впервые послѣ Іегуды Галеви, душа еврейскаго народа, — пѣснь, пѣздвѣшная, пѣснь ангельски-земная! Не предвѣщаетъ ли она возрожденіе еврейской души? Или правда то, что только почва Палестины можетъ родить еврейству новый творческій миръ? — Не знаю; но твердо вѣрю, что живъ народъ въ летаргическомъ снѣ и въ урочный часъ проснется.